

УДК 94(100-87), (44)

**ИДЕИ БРЮНО БЕРНАРДИ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ Ж.-Ж. РУССО**

© 2024 С.В. Занин

Самарский государственный медицинский университет
Институт Всеобщей истории РАН

Статья поступила в редакцию 30.08.2024

В статье проанализирована историографическая ситуация, возникшая в современных исследованиях творчества Ж.-Ж. Руссо под влиянием изучения концептов, которые были предложены французским исследователем Брюно Бернарди и его коллегами. Отмечается, что этот подход привел к пересмотру устоявшихся взглядов и способствовал преодолению кризисных тенденций в историографии 1970-х и 1980-х гг. Вместе с тем он способствовал падению интереса к «автобиографическим» сочинениям Руссо. В статье рассмотрена ключевая тема, раскрытая в них: тема «реформы-преобразования», представленная Руссо как главное событие его жизни. Это событие было осознано им самим одновременно как период формирования его ценностных ориентиров и как момент высвобождения творческой «энергии». Описанный Ж.-Ж.Руссо социальный опыт способствовал пониманию глубинных процессов, происходивших в обществе века Просвещения. Его «Соображения об образе правления в Польше» несут на себе отпечаток интуиций и интенций, заключенных в его «преобразовании-реформе». Именно поэтому изучение «автобиографических» сочинений позволяет глубже понять суть его политического дискурса, изученного Б. Бернарди.

Ключевые слова: историография творчества Руссо, метод «концептов», аксиология в век Просвещения, идея «энергии».

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-4-60-67

EDN: CMNJNB

В последние годы одним из самых значимых событий в руссоведении стали работы Брюно Бернарди и возглавляемой им «Группы Руссо» при Высшей нормальной школе г. Лиона (Франция). Но более полное представление о них дает сборник «Философия Руссо», содержащий выступления на конгрессе, организованном этой «Группой» и приуроченном к трехсотлетию со дня рождения мыслителя¹. С развиваемым сотрудниками подходом, который заключается в анализе философско-политических идей Руссо с использованием метода «концептов» (в духе Жюльен Делёза), можно

ознакомиться на русском языке по вступительной статье к «Рассуждению о политической экономии», опубликованному в нашем издании «Политических сочинений» мыслителя. Вдохновленный чтением работы Жюльен Делёза «Что такое философия?» в момент, «когда начал погружение в Руссо», Брюно Бернарди заметил «одну вещь, которая, как казалось, бросается в глаза: то, что сказано в трех первых главах книги Делёза о создании концептов, об аспекте имманентности и концептуальных персонажах, как представляется, во многих отношениях написано о Руссо».² Метод основан на тщательном анализе черновых рукописей Руссо, свидетельствующих, как полагает Б. Бернарди, о развитии его идей, прежде всего о том, каким образом они зарождались и

*Занин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, медицины и социальных наук.
E-mail: zansamara@mail.ru*

развивались. Проще говоря, варианты рукописи отражают не просто процесс редактирования текста в узком смысле слова, но являются творческой лабораторией, где работа над фразой подчинена движению мысли в направлении создания концепта. Но неоднократно, печатно и в устных беседах, нам приходилось дискутировать с ним о достоинствах и недостатках этого подхода. Нам казалось, что, несмотря на все достоинства метода «концептов», вопрос о роли мотиваций и интуиций Руссо в их создании остается открытым. К примеру, почему в процессе работы над «Рассуждением о политической экономии» Руссо взялся критиковать статью «Естественное право» Дидро, которую тот поместил в «Энциклопедии»? Исходя из анализа Б. Бернарди понятно, как развивалась эта критика, но непонятно, что побудило Руссо в 1754 г., когда о личных и философских разногласиях с Дидро не было и речи, не оставить и камня на камне от концепции «общей воли», созданной его тогдашним другом?

Ранее мы уже отмечали, что историография второй половины XX в. переживает определенный методологический кризис, связанный с тем, что неомарксистские, психоаналитические подходы, да и в целом установка на междисциплинарность, в свое время в полной мере способствовавшие обновлению предметной области исследований, в определенный момент стали ее ограничивать. Действительно, появление работ Б. Бернарди во многом объясняется тем, что увлечение историографии неомарксистскими, психоаналитическими и отчасти экзистенциалистскими концепциями – во многом дань интеллектуальной моде того времени – привело к известному забвению того обстоятельства, что политическое учение Руссо это, главным образом политический дискурс, а его выработка подчинена, так сказать, «законам жанра»³. Поэтому, как это часто случается в историографии, все то, что невозможно объяснить с точки зрения названных подходов, оказывалось вне поля зрения исследователей. Именно на это

и обратил внимание Б. Бернарди. Упрощенное толкование получили и «автобиографические» сочинения, которые так или иначе стали рассматривать то в виде некоего «комментария» к идейным спорам Руссо с философами Просвещения, то в виде повествования о «человеческой природе» и жизни «естественного человека» его самого в мире отчуждения, а подчас и как некий исходный материал для психоаналитического исследования. Но ведь «Исповедь» – это «исповедь в строгом смысле этого слова» (Руссо), а не интеллектуальная автобиография и не трактат о человеке, а уж тем более не дневник наблюдений над самим собой.

Вместе с тем определенные ограничения налагает и подход, развиваемый Б. Бернарди, поскольку любой политический дискурс развивается его носителем исходя из интуиций, интенций, отношения к приобретенному социальному опыту и пр. Именно так называемые «автобиографические» сочинения Руссо после нескольких десятилетий известного забвения исследователями сегодня и после работ Б. Бернарди представляются важными с точки зрения понимания философского наследия Руссо в целом и его политических концепций в особенности. Их прочтение наводит на мысль о том, что его идейное развитие во многом определялось тем, как изначальная интуиция, чувство и, если угодно, экзистенциальное переживание под влиянием обстоятельств жизни проявлялось, оформлялось в убеждение и, напротив, жизнь в соответствии с выработанными убеждениями порождала новые интуиции, новый круг мыслей и чувств, новые оценки действительности и новые концепции.

В свете этих и иных споров, которые ведутся в современной историографии, представляется целесообразным еще раз затронуть тему перспектив изучения творчества Руссо, автобиографических сочинений в частности, то есть «Исповеди», Диалогов «Руссо – судья Жан-Жака» и «Прогулок одинокого мечтателя». По нашему мнению, обращаясь сегодня к «Исповеди» и ав-

тобиографическим сочинениям Руссо, следовало бы сосредоточиться на внутреннем анализе той тематики, которая является в них сквозной. Конечно, в рамках статьи невозможно провести подобное исследование в полной мере, однако один сюжет, с нашей точки зрения, заслуживает особого внимания.

В «Исповеди» содержится, а затем в «Прогулках одинокого мечтателя» (третья прогулка) развивается удивительный рассказ о «преобразовании-реформе», который в полной мере раскрывает то состояние, в котором автор находился в момент, когда приступил к созданию своих главных произведений, а именно «Рассуждения о неравенстве», романов «Юлия, или Новая Элоиза» и «Эмиль, или о Воспитании», а также трактата «Об общественном договоре»: «До тех пор я был добр; с того времени я стал добродетелен или, по крайней мере, опьянен добродетелью. Это опьянение началось у меня в голове, но перешло в сердце. Самая благородная гордость зародилась там на месте вырванного с корнем тщеславия. В моем поведении не было ничего наигранного, я на самом деле стал таким, каким казался; и, по крайней мере, в течение четырех лет, пока это восторженное состояние сохраняло всю свою силу, я был бы способен совершить все самое великое и прекрасное, что только свойственно человеческому сердцу. Вот источник моего внезапного красноречия, вот откуда распространился в моих первых книгах тот поистине небесный огонь, который воспламенял меня, но ни одна его искра не вырвалась наружу в течение сорока предшествующих лет, потому что, он еще не был зажжен. Я и в самом деле преобразился; мои друзья, мои знакомые не узнавали меня. Я уже больше не был тем робким, скорее застенчивым, чем скромным, человеком, не умевшим ни держать себя, ни говорить в обществе [...]. Смелый, гордый, неустрашимый, я повсюду нес с собой уверенность, тем более твердую, что она была проста и заключалась в моей душе, а не в осанке. Вну-

шенное мне глубокими размышлениями презрение к нравам, правилам поведения и предрассудкам нашего века делало меня нечувствительным к насмешкам тех, кто ими отличался, и я подавлял острые словечки насмешников своими приговорами, как раздавил бы насекомое между пальцев. Какая перемена! [...] Пусть вспомнят одно из тех коротких мгновений в моей жизни, когда я становился другим и переставал быть самим собой, - его обнаружат именно в том времени, о котором я говорю; но продолжалось оно не каких-нибудь шесть дней или шесть недель, а около шести лет и, быть может, продолжалось бы и до сих пор, если бы оно не закончилось благодаря особым обстоятельствам, возвратившим меня собственной природе, над которой я хотел высизиться («Исповедь», кн. IX).⁴

Для того, чтобы человек стал жить в обществе, потребовался «переворот-революция», о котором речь идет в «Рассуждении о неравенстве». А для того, чтобы Жан-Жак стал тем, кем он был на протяжении шести лет, пока он менял свою жизнь и приводил ее в соответствие с убеждениями, потребовалась «преобразование-реформа», которая, в силу особенностей его «склада души» и «различных посторонних причин», привела к двум «переворотам» (révolutions) в его жизни. Вот истинная цена того мощного всплеска, который он переживал на протяжении шести лет!

Более того, «преобразование-реформа» Руссо в значительной мере стала отрицанием социальных ценностей, принятых в феодальном обществе, и способствовала выработке иных, «близких его сердцу». И близких для людей вообще, ибо в конечном итоге «именно в наилучшем устройстве вещей люди видят ценность хороших поступков».⁵ Этот конфликт между субъективными предпочтениями и ценностями, принятыми в обществе, занимает в рассказе о «преобразовании-реформе» не меньшее, а, может быть, и большее место, чем рассказ о «преобразовании» Жан-Жака Руссо. Точнее сказать, само это преобразование носило особый характер:

«Я не находил ничего более возвышенного и прекрасного, чем быть свободным и добродетельным, быть выше богатства и людского мнения и быть самодостаточным. Ложный стыд и боязнь быть освиствованным мешали мне сперва вести себя согласно этим убеждениям, внезапно и резко порвать с мнениями своего века; но я отныне решительно выразил свою волю и медлил ее исполнить лишь на то время, что потребовалось сопротивлению ее подстегнуть, а ей одержать верх над ними» (кн. VIII). И ранее: «Пламенная любовь ко всему великому, истинному, прекрасному, справедливому, это отвращение ко всякому злу, эта неспособность ненавидеть, вредить и даже желать зла другому, это умиление, это живое и радостное волнение» (кн. VIII). Итак, «преобразование-реформа» стала своего рода «переоценкой всех ценностей», как выразился бы Фридрих Ницше, то есть выработкой тех ценностей, которые были близкими для него, и отрицание тех, которые он считал ложными.

Более того, этот порыв имел и важную подоплеку, связанную с его пониманием той политической ситуации, которая возникла во Франции. Развивая свою мысль о «преобразовании-реформе», он, в частности, писал: «Кроме этой задачи – изобразить нравы и супружескую порядочность [в романе «Юлия, или Новая Элоиза». – С. 3.], – задачи, коренным образом связанной со всем общественным устройством, я втайне поставил себе и другую, имеющую в виду общественный мир и согласие, быть может более высокую, более значительную, – во всяком случае в переживаемое нами время. Буря, поднятая «Энциклопедией», не только не улеглась, но была тогда в самом разгаре. Обе партии, устремившиеся друг на друга с величайшей яростью, больше походили на бешеных волков, в ожесточении рвущих на части друг друга, чем на христиан и философов, желающих просветить, убедить и обратить друг друга на путь истины. Той и другой партии не доставало, может быть, только предприимчивых и влиятельных вождей, чтобы борьба между ними превратилась в

гражданскую войну; и бог знает, к чему привела бы религиозная гражданская война, в которой жесточайшая нетерпимость была, в сущности, с обеих сторон одинакова». («Исповедь, кн. IX»). Этот своеобразный «третий путь», по которому он собирался идти и в конечном итоге пошел также имел отношение к вопросу о ценностях: ценностные ориентиры философов и христианские ценности (в понимании католического клира).

«Предприятие», как известно, закончилось полной катастрофой. Будучи осужденным Парижским парламентом за роман «Эмиль, или о Воспитании», Сенатом Берна и Малым советом (правительством) Женевы, Руссо вынужден был бежать из Франции, Швейцарии, преследуемый, по его собственным словам, как «оборотень» (*loup-garou*). «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я Свободу / И милость к падшим призывал»... Но не только. Во второй половине 1760-х гг. он получил приглашение английского философа Дэвида Юма укрыться в Англии от преследований властей. В скором времени Руссо убедился в том, что эта поездка была задумана Юмом и парижскими философами с целью «удалить его из Франции» для того, чтобы без помех заниматься пропагандой собственных философских взглядов. Д'Аламбер принял участие в написании «Краткого изложения» (*Exposé succinct*, 1766) ссоры Дэвида Юма с Руссо в Англии, а также написал «Похвалу Джорджу Кейту», покровителю Руссо в Нефшательском княжестве, с ядовитыми выпадами против него, а Вольтер выпустил анонимно памфлет под заголовком «Чувства граждан», в котором содержались отвратительные личные нападки на Руссо. Не говоря уж о том, что в ссоре с Дэвидом Юмом парижские философы и их покровители в лице, к примеру, маркизы дю Деффан единодушно признали Руссо «мерзавцем, мошенником, сумасшедшим».⁶ Одним словом, попытка примирить враждебные «партии» обернулась тем, что обе ополчились против него.

Это стало знаковым событием и для самого Руссо-писателя и философа, и для общества его времени. Провал миссии того, кто взял на себя «тяжкий труд говорить горькие истины людям», привел его к тому, к чему и должен был привести. Ценности, которые он защищал в своих произведениях, оказались не востребуемыми в обществе его времени, и Руссо-писатель, стремившийся принести пользу людям, публикуя свои произведения, вынужден был удалиться на покой: «Истерзанный, измученный всякого рода бурями, уставший от многолетних переездов и преследований, я остро чувствовал потребность в покое <...> С ужасом глядел я на предстоящие работы и на ожидающую меня беспокойную жизнь, и если величие, красота, полезность предмета пробуждали во мне мужество, то мысль, что я бесплодно пожертвую собой, совершенно отнимала его у меня (кн. XII). Пришлось вернуться в то состояние, где человек пребывал до вступления в общественную жизнь, то есть в состояние «естественное» для него, в состояние «сладостной праздности» (*douce oisiveté*), в котором и жили люди до образования общества, то есть до того, как «праздность, питающая страсти уступила место работе, их подавляющей» («Опыт о происхождении языков», гл. X).⁷ Таков рассказ о судьбе «естественного человека», содержащийся в автобиографических сочинениях Руссо «замкнулся в себе» (*s'est replié sur soi*).

И, как нам представляется, причина состояла не только в том, что он столкнулся с «неодолимыми препятствиями», с миром «социального отчуждения». Руссо пришлось стать одиноким, вернуться в своего рода «естественное состояние», которое правильнее было бы охарактеризовать термином «необщественное» (*insociable*), но в одиночество вынужденное, отличное от того, в пользу которого он сделал свободный выбор в период «нравственной и интеллектуальной реформы», когда поселился в Эрмитаже. На первый взгляд можно говорить о «пассивности его сознания». Оказавшись в одиночестве, он предпочел

людскому суду «суд божий» и отказался от «активной свободы».⁸ Тем более что и сам Руссо писал о том, что «вокруг меня возвели непроницаемые стены... и погребли живым среди живущих». Более осторожно, чем Ж. Старобинский, к привлечению сочинений автобиографического цикла подходил П. Буржелен, отмечая особенности субъективных переживаний Руссо в поздний период творчества, оказавших влияние на его представление о свободе и счастье⁹. Известный философ и академик А. Гуйе также отмечал, что, хотя в целом взгляды Руссо не изменились, в поздний период творчества он сознательно делал акцент на «пассивности» своего мировосприятия, «культивировал свое бессилие»¹⁰.

Так ли это? «Необходимо в одиночестве непрерывно искать эту энергию, освобождая ее от земных привязанностей», – отмечал Руссо в письме Софии д'Удето после разрыва с философами в 1758 г. Эта «энергия» поступка человека, «свободного от земных привязанностей», у Руссо и есть жизнь человека во всей ее полноте¹¹. И она проявилась – и неоднократно – тогда Руссо оказался в изгнании, скрываясь от преследований властей, и когда, как полагал Жан Старобинский, он отказался от «активной свободы». Мог ли он не откликнуться на призыв корсиканцев, народа, о котором он писал в «Общественном договоре» как наиболее способном быть свободным, и не попробовать написать проект преобразований на нем? Мог ли он, читая вслух избранной публике самые грустные страницы «Исповеди» весной 1770 г., остаться равнодушным к критическому положению, в котором оказались «храбрые поляки», и не создать одно из лучших своих политических сочинений «Размышления об образе правления в Польше»? Стоит перечитать его переписку с графом Михаилом Виельгорским, эмиссаром Барской конфедерации в Париже и заказчиком этого произведения, чтобы убедиться: новый всплеск «энергии» побудил его взяться за перо. «Мое дарование состоит в том, чтобы говорить людям об истинах су-

ровых и полезных, со всей энергией и смелостью», – писал Руссо в «Исповеди» (кн. IX). Но ведь таков и результат его собственного «преобразования-реформы». И именно поэтому он дал совет полякам преобразовать-реформировать (*réformer*) их жизнь и создать учреждения «столь благоприятные для энергии храбрости и свободы» («Соображения об образе правления в Польше», гл. 9)¹². Проповедь этих ценностей – «храбрости» и «свободы» – занимает центральное место в «Соображениях». Ведь неслучайно он признавался, что задачей его политического творчества была попытка «изменить у народов предмет их уважения» и тем самым «замедлить упадок, который они ускоряют своими ложными предпочтениями»¹³.

Заметим, что энергия у Дидро является «импульсом природы» человека, направленным на «добро или зло», на прекрасное или безобразное¹⁴. У Руссо «энергия» трактуется как «освобождение», как «возвышение над собственным темпераментом», влекущим его к «сладостной беззаботности», над общепринятыми правилами и условностями общественной жизни. В конечном итоге не только Жан-Жак способен на это. Герцогиня Мирпуа, прощаясь с ним во время его бегства из Монморанси в июне 1762 г. после осуждения его произведений Парижским парламентом, открыто проявила, несмотря на требования этикета, «естественное сострадание (*commisération naturelle*), свойственное щедрым сердцам», и в ее движении и взгляде он «обнаружил нечто энергичное» (кн. X). Да и сам «одиноким Жан-Жак», якобы ожидающий «суда божьего» в 1760-х гг., отнюдь не выглядел в глазах его посетителей подавленным и разбитым: «Когда ничто его не омрачало, он выходил из берегов как неукротимый поток, который ничто не могло остановить»¹⁵. Согласимся с известным литературоведом Мишелем Делонем в том, что в «автобиографических» сочинениях мыслителя прослеживается и центробежное, и центростремительное движение, любовь к «сладостной праздности» и желание обрести славу в по-

томстве, «встать вровень со своим веком» (Руссо). Но в его поступках заметно «преодоление себя», всплеск «энергии»¹⁶. Речь идет об энергии освобождения, энергии преодоления «дуализма» души и тела, который он в полной мере испытал в период любовного увлечения Софией д'Удето. В свете сказанного есть смысл задуматься над тем, почему именно философские взгляды Руссо, а не монистический материализм Гельвеция, Дидро и Гольбаха в наибольшей мере несли в себе заряд обновления социальных и культурных отношений. И сегодня эту концепцию высвобождения энергии природы человека нельзя игнорировать при изучении не только литературы эпохи Просвещения, но и культурных истоков Французской революции в той мере, в какой ее ораторы призывали мобилизовать «энергию» нации, понимая под этим термином «твердость и энергию-стойкость (*énergie*)»¹⁷.

Сегодня изучение политической концепции Руссо с точки зрения логики создания концептов, предлагаемое Б. Бернарди и его сотрудниками, очевидным образом нуждается в дополнении с учетом данных «автобиографических сочинений». Выдающийся специалист в области изучения творчества Руссо Жан Старобинский как-то заметил, что в них мыслитель «переносил на жизнь общества темы из мифологии своей собственной личности»¹⁸. Но более внимательное прочтение его «автобиографических» сочинений указывает не на это, а на глубокую рефлексию над собственным опытом, приобретенным в социальной и культурной среде его времени, результатом которой стал дискурс об «энергии» преодоления и об аксиологическом выборе как знамени времени, важном как для человека, так и для общества его времени. Поэтому, несмотря на безусловную плодотворность подхода Б. Бернарди, подтверждаемого выдающимися результатами как в области текстологической работы, так и в области создания исследовательского комментария, сегодня особенно важно подчеркнуть значимость интуиций и ин-

тенций Руссо, которые, к примеру, в таких произведениях, как «Проект конституции для Корсики» или «Соображения об образе правления в Польше», получили свое воплощение в политических концепциях наряду с теми идеями, которые вытекают из политического дискурса в «Рассуждении о неравенстве» и в трактате «Об общественном договоре».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Philosophie de Rousseau. Sous la direction de B. Bachofen, B. Bernardi, A. Charrak et F. Guénard. Paris, 2014.
- ² Bernardi B. Fabrique des concepts. Recherches sur l'invention conceptuelle chez Rousseau. Paris, 2006. P. 25.
- ³ Занин С.В. Общественный идеал Руссо и французское Просвещение XVIII века. СПб, 2007. С. 48 и сл.
- ⁴ Здесь и далее цитаты из «Исповеди» Руссо с указанием книги этого сочинения даются по изданию: Руссо Ж.-Ж. Исповедь. М.: Захаров, 2004.
- ⁵ Rousseau J.J. De l'économie politique, in : Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1995. T. III, p. 1401.
- ⁶ Saussure, H. De. Rousseau et les manuscrits de ses Confessions. Paris: de Boccard, 1958. P. 358-359.
- ⁷ Rousseau J.J. Essai sur l'origine des langues Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1995. T. V. P. 408.
- ⁸ Starobinski J. La transparence et l'obstacle. Paris, 1957. P. 297-300.
- ⁹ Burgelin P. La philosophie de l'existence de Rousseau. Paris, 1952. P. 146.
- ¹⁰ Gouhier H. Les méditations métaphysiques de J.-J. Rousseau. Paris, 1984. P. 180.
- ¹¹ Lettre à m-me d'Houdetot. 6 mai 1758, Correspondance complète, éd. Ralph A. Leigh, Genève-Oxford, 1965-1998. № 639.
- ¹² Руссо Ж.Ж. Политические сочинения. СПб, 2013. С. 543.
- ¹³ Rousseau J.-J. Rousseau – juge de Jean-Jacques, Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1959. T. I. P. 935.
- ¹⁴ Подробнее см.: Chouillet J. Diderot, poète de l'énergie. Paris, 1985. P. 110 et sq.
- ¹⁵ Dusaux J.J. De mes rapports avec Jean-Jacques Rousseau. Paris, 1798.
- ¹⁶ Delon M. L'idée d'énergie au tournant des Lumières (1770–1820). Paris, 1988. Chp. 3.

¹⁷ См. об этом термине комментарий в подготовленном нами издании: Дантон Ж.-Ж. Речи. СПб., 2019. С. 75.

¹⁸ Starobinski J. Montesquieu. Paris, 1953, P. 101.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дантон Ж.-Ж. Речи. СПб., 2019.
2. Занин С.В. Общественный идеал Руссо и французское Просвещение XVIII века. СПб, 2007.
3. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. М.: Захаров, 2004.
4. Руссо Ж.Ж. Политические сочинения. СПб, 2013.
5. Bernardi B. Fabrique des concepts. Recherches sur l'invention conceptuelle chez Rousseau. Paris, 2006.
6. Burgelin P. La philosophie de l'existence de Rousseau. Paris, 1952. P. 146. Gouhier H. Les méditations métaphysiques de J.-J. Rousseau. Paris, 1984.
7. Chouillet J. Diderot, poète de l'énergie. Paris, 1985.
8. Correspondance complete de Jean-Jacques Rousseau, éd. Ralph A. Leigh, Genève-Oxford, 1965-1998.
9. Delon M. L'idée d'énergie au tournant des Lumières (1770–1820). Paris, 1988.
10. Dusaux J.J. De mes rapports avec Jean-Jacques Rousseau. Paris, 1798.
11. Philosophie de Rousseau. Sous la direction de B. Bachofen, B. Bernardi, A. Charrak et F. Guénard. Paris, 2014.
12. Rousseau J.-J. Rousseau – juge de Jean-Jacques, Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1959. T. I.
13. Rousseau J.J. De l'économie politique, in : Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1995. T. III.
14. Rousseau J.J. Essai sur l'origine des langues, in : Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1995. T. V.
15. Saussure, H. De. Rousseau et les manuscrits de ses Confessions. Paris: de Boccard, 1958..
16. Starobinski J. La transparence et l'obstacle. Paris, 1957.
17. Starobinski J. Montesquieu. Paris, 1953.

REFERENCES

1. *Danton Zh.-Zh.* Rechi. SPb., 2019.
2. Zanin S.V. *Obshchestvennyj ideal Russo i francuzskoe Prosveshchenie XVIII veka.* SPb, 2007.
3. *Russo Zh.-Zh.* Ispoved'. M.: Zaharov, 2004.
4. *Russo Zh.Zh.* Politicheskie sochineniya. SPb, 2013.
5. *Bernardi B.* Fabrique des concepts. Recherches sur l'invention conceptuelle chez Rousseau. Paris, 2006.
6. *Burgelin P.* La philosophie de l'existence de Rousseau. Paris, 1952. R. 146. Gouhier H. Les méditations métaphysiques de J.-J. Rousseau. Paris, 1984.
7. *Chouillet J.* Diderot, poète de l'énergie. Paris, 1985.
8. Correspondance complete de Jean-Jacques Rousseau, éd. Ralph A. Leigh, Genève-Oxford, 1965-1998.
9. *Delon M.* L'ildée d'énergie au tournant des Lumières (1770–1820). Paris, 1988.
10. *Dusaulx J.J.* De mes rapports avec Jean-Jacques Rousseau. Paris, 1798.
11. Philosophie de Rousseau. Sous la direction de B. Bachofen, B. Bernardi, A. Charrak et F. Guénard. Paris, 2014.
12. *Rousseau J.-J.* Rousseau – juge de Jean-Jacques, Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1959. T. I.
13. *Rousseau J.J.* De l'économie politique, in : Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1995. T. III.
14. *Rousseau J.J.* Essai sur l'origine des langues, in : Œuvres complètes, Coll. de la «Pléiade». Paris, Gallimard, 1995. T. V.
15. *Saussure, H. De.* Rousseau et les manuscrits de ses Confessions. Paris: de Boccard, 1958..
16. *Starobinski J.* La transparence et l'obstacle. Paris, 1957.
17. *Starobinski J.* Montesquieu. Paris, 1953.

**THE IDEAS OF BRUNO BERNARDI
AND THE AUTOBIOGRAPHICAL WORKS OF J.-J. ROUSSEAU**

© 2024 S.V. Zanin

Samara State Medical University
Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

The author analyzes the historiographical situation that has arisen in contemporary studies of J.-J. Rousseau's works under the influence of the study of concepts, which was proposed by the French researcher Bruno Bernardi and his colleagues. It is noted that this approach led to a revision of established views and contributed to overcoming the crisis trends in the historiography of the 1970s and 1980s. At the same time, this approach contributed to a decline in interest in Rousseau's "autobiographical" works. The author examines the key theme revealed in these works: the theme of "reform-transformation", presented by Rousseau as the main event of his life. Rousseau himself recognized this event both as a period of formation of his value guidelines and as a moment of release of creative "energy". The social experience he described contributed to his understanding of the deep processes that took place in the society of the Age of Enlightenment. His "Considerations on the Form of Government in Poland" bear the imprint of the intuitions and intentions contained in his "transformation-reform". That is why the study of Rousseau's "autobiographical" works allows us to better understand the essence of his political discourse, studied by B. Bernardi.

Keywords: historiography of Rousseau's works, method of "concepts", axiology in the Age of Enlightenment, idea of "energy"

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-4-60-67
EDN: CMNJHB

Sergei Zanin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, History of Medicine and Social Sciences. E-mail: zansamara@mail.ru